

Михаил
Полюга

Финалист
Бунинской
премии
2015 года

Финалист
премии
имени Бабеля
2018 года

Альпийский синдром

Р О М А Н

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Михаил Юрьевич Полюга

Альпийский синдром

Серия «Интересное время»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51853638

Михаил Полюга. Альпийский синдром : роман: Время; Москва; 2020

ISBN 978-5-9691-1987-1

Аннотация

С обаятельным прокурором Евгением Николаевичем Михайловым читатели уже знакомы по первому роману дилогии, ему посвященной («Прискорбные обстоятельства», «Время», 2019). И не просто знакомы, а прониклись к нему симпатией и сочувствием – о чем многие написали и высказались. Нередко задаваясь вопросом: откуда он такой взялся – тонкий, честный, думающий, страдающий? Ответ можно найти во втором романе, в котором вопреки хронологии профессиональная биография героя начинается. Автор к своему герою этой поры куда более строг. Да и сам Евгений Николаевич собой далеко не гордится: «Какой-то альпийский синдром, черт его дери! – и в нем, в этом синдроме, заключена скрытая сила и слабость моего характера». Слабостей у прокурора Михайлова много – увы. И профессиональное окружение у него так себе: «шептались новый начальник организационно-контрольного отдела, мерзавец и подхалим, и прокурор одного из районов, пролаза и интриган». И тут еще

президентские выборы, будь они неладны, когда независимостью своей «ветви власти» не прикроешься. И все же прямых подлостей вроде избежал, с совестью как-то договорился, надежд пока не растерял... Жену вот не удержал, она максималистка, она его любит, ей компромиссов недостаточно.

Содержание

Отзывы читателей на первую часть дилогии Михаила Полюги, роман «Прискорбные обстоятельства», «Время», 2019	6
Часть первая. Авария	10
1. Где-то под Сокольцом	10
2. Ключарев	19
3. Мирошник	28
4. Из города А в город Б	36
5. Первая часть Марлезонского балета	45
6. Вторая часть Марлезонского балета, или Зайчатина в сметане	56
7. Лучший в городе ортопед	66
8. Способ сбежать из дома	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Михаил Полюга

Альпийский синдром

© М. Ю. Полюга, 2020

© «Время», 2019

* * *

Отзывы читателей на первую часть дилогии Михаила Полюги, роман «Прискорбные обстоятельства», «Время», 2019

Прочитала в 2015 году, когда книга попала в финал Бунинской премии. Теперь перечитаю заново. Почему? Наконец-то нашла то, чего недоставало у современных авторов: прекрасный язык, тонкий психологизм, мыслящие, глубоко чувствующие герои. Надоели посредственности – и в литературе, и в жизни!

Первая часть напоминает психологический детектив. Прокурор узнает, что его взяли в разработку спецслужбы. Чтобы выяснить причины, проводит свое расследование, и при этом пытается разобраться в собственной жизни. Вторая и третья часть – смещение повествования в сторону любовного треугольника. Захватывающая интрига отношений, эротизм, лишенный грязи и смакования, но какой!.. Любовь, спасающая от духовного обнищания. Не от словосочетания «заниматься любовью», а от слова «любить». Давно не читала книги такого блестящего художественного уровня.

Наталия

Трогательно написано, несмотря на ментовско-прокурорские страницы, особенно в части любви-нелюбви: по-человечески мудро, горько, светло. Издательству «Время» спасибо за то, что познакомило с хорошим автором.

Елена

Эта книга – не поверхностное чтение, которое доброты выдают за литературу, а на самом деле настоящая литература, и вдумчивому читателю понятно это с первых страниц. Настоятельно рекомендую. Приятного чтения.

Николай

Книга захватила с первых страниц и не отпускала до конца. Обязательно вернусь к ней ещё и ещё.

Марина Анисимова

Михаил Полюга пишет вдумчиво. С толком, с чувством, с расстановкой. Великолепный слог, точность, художественная уместность и полнота изображения внутреннего мира немолодого прокурора Евгения (сибарит не сибарит, гедонист не гедонист?), который считает, что «человеческая жизнь на удивление однообразна и примитивна: если и вспоминаются по-настоящему светлые и наполненные мгновения, то их можно сосчитать по пальцам. Спичка жизни горит быстро и бесполезно и очень скоро обжигает нам руки... Так всё вокруг обрыдло, так достало! И в то же время хочется жить, не меньше

хочется, чем в начале пути, несмотря на эти треклятые прискорбные обстоятельства!»

Очень много размышлений и наблюдений о жизни, о ее суетности, тщете и прочем. Если вы такое любите, то насладитесь чтением с карандашом в руке.

Юлия Силич

Повествование идет неспешно, зато успеваешь насладиться хорошим языком. Много размышлений о человеческой природе и бытии. Описана вся подноготная прокурорской службы, коррупция, зависть, интриги, протекционизм и т. д. Герои описаны ярко, живо; поражает описание природы. Книгу читала с удовольствием. Рекомендую вдумчивому читателю, книга о нас, о современниках.

Лариса Пономаренко

Прочитала роман на одном дыхании. Михаил Полюга совместил три разных пласта реальности, в которых герою приходится существовать. Первый – перманентная депрессия, из-за которой Евгений Николаевич, кажется, лишился уже всяких эмоций и смотрит вокруг с холодным безразличием. Второй – обыденщина оперативной службы, где дела должны закрываться с заранее известным приговором; сотрудники копают под коллег; семья разваливается из-за потерянного на работе времени; коррупция принимает все более изощренные виды. Наконец, третий – редкие контакты с внешним миром, который напоминает герою, что он всего лишь человек. У

человека без эмоций, оказывается, тоже есть эмоции. Но тратить их не на что, а выказывать нельзя. И такое бывает. Совет: не пропустите эту книгу! Читайте, и не пожалеете.

Людмила

Часть первая. Авария

1. Где-то под Сокольцом

– Все, приехали! – сказал Игорек с тем убийственным спокойствием, с каким вещают о неминуемой смерти.

Он сидел не на своем месте, за рулем, а в пассажирском кресле рядом со мной, но голос его показался мне неестественно далеким, потусторонним, долетавшим издалека – из другого измерения, из параллельного бытия.

Но прежде, мгновением прежде голоса, машина перестала слушаться руля и, точно по маслу, заскользила по мокрому асфальту вперед и в сторону, по какой-то невероятной диагонали, прочь с дороги. Немедля за тем вошли в штопор – и мир вокруг взвихрился, разжижился и исчез, завертелся вокруг своей оси. Зашелестела, завертелась перед глазами мокрая зелень кустарника – и тоже исчезла. Все исчезло – на миг или на целую вечность, – как будто внезапный сон одолел или случился глубокий обморок. Но вот сквозь это небытие, как сквозь толщу воды, стало проступать ощущение тесноты и неуюта, и вслед за тем – осознание, что машина опрокинулась, что лежит в кювете кверху колесами, в сплошной, шелестящей дождем зелени. И что мы с Игорьком лежим здесь же, лежим непонятно как, перемешавшись с тем, что было

машиной, и что – в машине. Наконец – что продолжает работать двигатель, и оттого в голове не стихает гул неистово вращающихся колес.

– Жив? – обронил я в гулкую пустоту, в которой, неясно где, пребывал тот, кто был мной. – Эй, Игорек?!

Голос не принадлежал мне, был размыт и не узнан – или со слухом что-то произошло, как будто в уши натолкали ваты. И со зрением были нелады: я не видел ничего, кроме сплошной, трепещущей под дождем листвы. И руки-ноги мне не принадлежали – вернее, даже памяти о собственном теле во мне не осталось. Неопределенность сущего – ни больше ни меньше! Но Игорек, что с ним? Я не видел Игорька, но ощущал где-то поблизости, рядом с собой. И еще ощущал нарастающее беспокойство – оттого, что работал двигатель, с тупой добросовестностью сжигая бензин и повизгивая изношенным ремнем генератора, – а значит, машина каждую секунду могла взлететь на воздух.

– Эй!..

– Живой, – отозвался наконец Игорек – или только слышалось, что отозвался?

– Бегом из машины! – скомандовал я и с чувством неестественности, нереальности происходящего полез на четвереньках из салона – через окно дверцы с выбитым, рассыпавшимся на мелкие кусочки боковым стеклом.

В лицо хлестануло мокрой листвой, пахнуло прелью, ладони скользили по грязи, усыпанной тупыми осколками, но

я не чувствовал боли от колких граней, впивавшихся в кожу, – лез ужом, а выбравшись, живо вскарабкался по сырому склону, продираясь сквозь гибкие, хлещущие по лицу ветви и все так же опасаясь скорого взрыва. Сознание было приглушено, и даже страх от мысли «сейчас рванет!» накатывал как бы издалека.

Но на склоне неглубокого придорожного рва, тянувшегося вдоль шоссе и заросшего густым упругим кустарником, я понудил себя остановиться и оглянуться назад. «Семерка» лежала на крыше поперек рва, запрыгнув на противоположный склон передком, а на ближний улегшись багажником и дымя сквозь листву бледным, прозрачным, как пар, светом лопнувшей фары. Шел, не переставая, теплый обложной дождь, под тяжестью воды струилась и перетекала поникшая листва, прогибалась и напознала сплошным зеленым месивом молодая поросль, – и на все это Божье благолепие накладывалась грубая человеческая реальность: умирающее пятно света, шепелявый шелест двигателя, тупое гудение вращающихся колес.

– Что у тебя? Цел? – покосился я на Игорька, выбравшегося на склон вслед за мной и не отрывавшего замороженного, ошеломленного взгляда от покореженного, одноглазо подсвечивающего у наших ног автомобильного остова.

Тот кивнул, что-то пробормотал, невнятно чертыхнулся, – и от сердца у меня отлегло: кажется, цел и невредим.

Но следом жуткая мысль бросила меня в холодный пот:

в багажнике «семерки» остались три канистры с бензином, на заднем сиденье – дипломат, а в нем – пистолет ТТ, месяца два назад выданный мне под расписку в областной прокуратуре.

– Дипломат... нужно забрать, – позабыв об Игорьке, повторил я вслух, беспомощно развел руками и в следующий миг совершил подлость: заглянул парню в глаза: – Там – пистолет... – умалчивая о злополучных канистрах.

Наверное, взгляд у меня был такой прибитый и просящий, что водитель тотчас заскользил вниз по склону – сгорбившись, взмахивая для равновесия одной рукой, а другой хватаясь за ветки и съезжая подошвами по суглинку и мокрой взъерошенной траве.

– Стой! Куда? Я сам заберу... – испытывая запоздалый стыд и ужас от того, что каждую секунду может произойти, крикнул я вдогонку Игорьку, но тот уже опустился на четвереньки и, ворочая ширококостным мускулистым телом, неловко протиснулся через окно в лежащий на крыше автомобиль.

Следующая секунда показалась вечностью. «Что он там возится? Ведь рванет... ей-богу, рванет!.. – порывался к машине я, но ноги словно приросли к почве, я и шагу ступить не мог – только вытягивал шею, не отрывал глаз от подошв Игорька, высывающихся из оконного проема, и почему-то думал о рваном кленовом листе, накрепко впрессованном в рифленую подошву: – Ну вот, новые кроссовки измазал...»

Но и вечность миновала, затих гул двигателя, погас дымный, молочно-блеклый свет раскоканной фары, – и тотчас отовсюду подступила тишина, оглушительная, вселенская, такая, что стало слышно биение каждой капли по упругим сочным листам. Или это кровь стучала в висках?..

– Вот, – Игорек протянул мне дипломат, но я не смог удержать его в правой руке – плечо тянуло книзу, что-то в плече было не так, как должно, – и я перехватил дипломат левой рукой. – Что с плечом, Евгений Николаевич?

А что с плечом? Ничего особенного с плечом. Просто оно почему-то опустилось, как бы провисло, стало ниже, чем прежде. Но – никакой боли, а если бы что-то не так – была бы боль, непременно почувствовал бы боль...

– Черт! А у меня шею потянуло, – осторожно, щадяще вертя головой и ощупывая шею, вздохнул Игорек. – И кожу ссадил, – задрал измазанную в зелени футболку, он потрогал пальцем кровоточившую потертость на боку.

«Что ссадина, ерунда. Легко отделался», – подумал я, успокаиваясь насчет Игорька, но все более озадачиваясь собственным плечом и пытая его на все лады: клонясь вправо, подлаживаясь, отыскивая плечу удобную позу, двигая предплечьем вверх-вниз и ожидая ответного болевого укола. Но плечо все так же провисало, и все так же не ощущалась боль, – как ни вслушивался в себя, как ни пытал-допытывал: что со мной? Только головокружение, и то едва ощутимое, да шум в ушах, да непреходящий шелест дождя.

– Что делать будем, Евгений Николаевич? – спросил Игорек, морщась и ощупывая пальцами еще одну ссадину – на локте.

– А что произошло, ты можешь мне объяснить? – отвечая вопросом на вопрос, вяло отозвался я, искоса глянул на подавленного Игорька и вдруг нервно хихикнул, кривя губы и ощущая, как у меня подрагивает, словно от зубной боли, щека. – Ничего не помню. Скользнули влево, что-то мигнуло и завертелось – и все.

А сам подумал, что с этим своим хихиканьем выгляжу в глазах Игорька законченным идиотом. Всегда у меня так: в критические минуты реакция почему-то неадекватная, заторможенная.

– Обгоняли грузовик. Нас бросило под колеса, вы взяли влево – ну и понесло... Дождь, резина лысая, разномерка... Я говорил, что ездить нельзя, но вы же упрямый, – как бы оправдываясь, сказал Игорек и зашипел от боли, неосторожно коснувшись пальцами ранки на локте. – И вообще, раз понесло – сбрасывайте газ, а не наоборот... Говорил же, показывал, – почти со злобой, едва сдерживаясь, добавил он и, словно мальчишка, шмыгнул носом.

«Такое было уже», – внезапно припомнил я другой, более счастливый случай на зимней обледенелой дороге. Тогда выскакивая на горку на слепом повороте, я запоздало увидел две помятые машины у левой обочины, рядом с ними – милиционерскую «шестерку» и краснолицего гаишника, толковав-

шего о чем-то двум сконфуженным мужичкам. Я хотел сбросить газ, но вместо этого почему-то придавил педаль, и «семерка» заскользила – по диагонали, как и теперь, – полетела на машины, мужичков и гаишника, поднявшего навстречу неминуемой гибели изумленное, оцепенелое, какое-то обреченное лицо. В тот раз, опамятававшись под крик Игорька, я все-таки успел сбросить газ и выровнять руль...

– Так-с! – пробормотал я, пытаюсь сосредоточиться, но мысли были вразброд, и я тянул время, придумывая, что сказать Игорьку. – Так-с!

Дождь иссяк, но влажный пар все еще клубился у лица и рук. И вдруг сквозь мокрую листву скользнул короткий, слепящий солнечный луч, и под лучом этим пар рассеялся, сверкнули и ожили хрустальные дождевые капли, а пяточок на обочине раздвинулся, стал многомерным и многоликим. И, как случается после забвения или сна, с четкой, осязаемой реальностью я увидел и ощутил придорожную канаву, зелень, мокрые волосы, прилипшую к телу тенниску и робко постанывающее, провисшее под рукавчиком плечо. А еще – изжеванную «семерку», опершуюся багажником и капотом о скаты узкой канавы и перекувыркнувшуюся в таком положении несколько раз. Господи боже мой, если бы не канава, крышу смяло бы вместе с головами! Если бы не молодые упругие деревца и кусты, принявшие на себя и смягчившие первый удар!..

– А где этот скот на грузовике? – спросил я рассеянно,

думая об ином – о том, что выжили чудом, что могли не выбраться и меня не было бы сейчас или был бы, но поломан и раздавлен, что еще хуже, и горше, и печальней. – Ведь видел, что кувыркнулись, что по его вине, и не остановился. Скот!

– Скот, – квело согласился Игорек и поглядел на меня с укором.

– Что смотришь? Ну да, лысая резина, разномерка... Я помню... Но он тоже виноват. Ему бы сдвинуться, пропустить, а он прет по осевой...

Сказав так, я увел глаза и двинулся через кусты к дороге. Игорек пошел следом, тяжело вздыхая и неразборчиво бормоча у меня за спиной.

Выбравшись на песчаную обочину, всю в мелких рябеньких лужах и клочках чахлой травы, мы ступили на шоссе, курившееся мокрым асфальтом, и, не стовариваясь, оглянулись. Несчастливая «семерка» была надежно укрыта в густой зелени от чужих любопытных глаз, и это хоть как-то успокаивало: меньше всего сейчас нужны были чужие глаза...

– Останешься здесь. Сколько нужно, столько и будешь ждать, – сказал я Игорьку и ободряюще улыбнулся; улыбка получилась неубедительной и фальшивой, но другой не было теперь у меня. – А я – в Козельск, постараюсь что-то придумать. К Ключареву поеду, Ключарев поможет. Эй, что ты там?

Я проследил за взглядом Игорька и увидел на другой стороне дороги, на обочине, небольшой памятник, – такие

с некоторых пор устанавливают на месте аварии родные и близкие погибших. На памятнике была привинчена табличка с именами, у подножия тлел венок из искусственных, выгоревших на солнце цветов.

Сердце у меня вдруг спохватилось и тоскливо заныло.

«Вот оно как бывает! Вот оно как...»

2. Ключарев

За те минуты, что мы с Игорьком стояли на обочине, несколько машин прогрохотали мимо по направлению к городу. «И езжайте, не надо мне вас!» – всякий раз, когда очередная машина удалялась, думал я с облегчением, не без основания опасаясь расспросов, сочувственных взглядов и предложений о помощи, от которых могло выйти только хуже. Но в то же время донимала мысль, что, по всей видимости, придется топтать в город пешком, а одежда у меня так же, как у Игорька, местами вымазана в грязи, и плечо точно не свое, уже постанывает и больше прежнего провисает. И, главное, давила уже тоска от осознания содеянного мною.

«Дурак, вот же дурак!» – корил себя я за все то, что случилось со мной сегодня. – Мало того что выпил, так еще за руль сел! Угробил служебный автомобиль... Послушал бы Игорька – подъезжали бы теперь к дому. Так нет же, надул губы: его величество прокурор района – и какой-то водила!.. А его величество законченный идиот, только и всего».

– Игорек, ты вот что, – обернулся я еще раз к водителю и постарался ободряюще улыбнуться, – ты понапрасну не светись на дороге. А я мигом...

За спиной прогромыхало железо, и раздолбанный ГАЗ-53 затормозил у противоположной обочины – так резво, что завизжали тормозные колодки. Водитель, темноволосый кре-

пыш в линялой фуражке, открыл дверцу, встал на подножку и спросил, перекрикивая гул двигателя, нужна ли помощь.

– Нет, все в порядке, – отозвался я и, упреждая незваного помощника, протрусил через дорогу к грузовику. – Если подвезете в город, буду весьма признателен.

– Так нужна помощь или нет? Сколько вас там? – переспросил крепыш, вытягивая шею и через мою голову взглядывая на место аварии.

У него был цыганисто-цепкий, все подмечающий взгляд, и я невольно насторожился: только такого, ушлого и назойливого, мне теперь не хватало!

– Двое нас, сколько же еще, – сказал я, забираясь в кабину грузовика – не без труда, оберегая плечо и не выпуская из левой руки тяжелый дипломат, – и поторопил, заискивающе улыбаясь: – Едем, что ли?

Водитель нехотя забрался в кабину, хряпнул дверцей, тяжело вздохнул и заскреб заскорузлыми пальцами за ухом, явно колеблясь, обдумывая что-то и взмахивая вслед мыслям клокастыми, широко раздвинутыми бровями. Ему явно не нравилось происходящее, недоумение сменялось недоверием – как ко мне, так и к оставшемуся на дороге Игорьку, – и сомнения одолевали его: не станет ли соучастником, не увезет ли с места происшествия человека, может статья, виновного в случившемся и пытающегося скрыться от правосудия. Но сомнения были неверные, смутные, как и обстоятельства аварии, которой он не видел.

Торопясь развеять эти сомнения, я небрежно попросил отвезти меня в транспортную прокуратуру. Водитель, подозревавший иное, глянул на меня из-под бровей: куда? так ли понял? – но черты лица стали у него отмякать, а взгляд сделался любезным.

«Что, брат, не по зубам? – не без изрядной доли злорадства подумал я. – Решил меня гаишникам сдать? Ужо тебе, хитрован!»

– Это мы сейчас, это мы мигом! – заспешил водитель, лязгнув педалью газа и лихо крутанул баранку. – Что же, своя машина или как? – не утерпев, сочувственно поинтересовался он.

– Или как... – отрезал я, всем своим видом давая понять, что разговор на тему аварии окончен.

Миновав городскую черту, а вместе с ней нечеткую полосу дождя, грузовик запрыгал по выщербленному, в глубоких выбоинах асфальту. Слева по ходу машины проскакали унылые кресты городского кладбища, справа – вагончик без колес, установленный на невысоком фундаменте, с самодельной вывеской у входа «Корчма», автозаправка, продмаг. Затем дорога вильнула – и с обеих сторон потянулись одноэтажные приземистые дома, заборы, сараи, курятники, гаражи.

От толчков и подпрыгиваний плечо стало ныть тупо и непрерывно, – и я, зажав ногами дипломат, обхватил предплечье левой рукой и продолжал ехать так, рискуя на оче-

редном подскоке взлететь и треснуться макушкой о потолок или выбить о панель приборов передние зубы.

«Нечего ныть. Сам виноват, стало быть – терпи. Одно от-
радно: *sentio, ergo sum* – я чувствую, значит, я существую. А
ведь всего этого, в том числе боли, могло уже не быть для ме-
ня. Следовательно, да здравствует боль!» – увещевал себя я.

Но увещевания мало помогали, а назойливые мысли о
смерти вгоняли в тоску. И я гнал от себя эти гребаные мыс-
ли: глядел через грязное стекло на чужой город, беспокоился
о Ключареве – застану того в прокуратуре или нет, сможет
ли помочь? – думал и о том, чем вся эта история может за-
кончиться для меня. Разумеется, ничем хорошим. Хотя, ес-
ли рассудить здраво, главное в этой ситуации, что все живы
и здоровы, что бы ни случилось потом. Да, что бы ни случи-
лось потом...

– Черт подери! – внезапно вырвалось у меня.

Я вдруг с досадой вспомнил, что Ключарев, транспортный
прокурор, с которым я был дружен еще по институту, ушел в
отпуск и собирается своим ходом на юг, – так что теперь он,
должно быть, где-то на гаражах, готовит машину в дорогу.

Шофер искоса покосился на меня и заискивающим тоном
спросил:

– Что, трясет? Дорога, чтоб ее...

Давай, рули! – неприязненно отмахнулся я, а про себя по-
вторил: «Черт подери!» Кроме Ключарева, мне в этом городе
не к кому было обратиться. А что если и вправду не застану

его на месте?

Так и вышло. Дверь неказистого, сложенного из бурого кирпича здания прокуратуры была распахнута настежь, у входа торчала унылая, как засохшее дерево, фигура помощника прокурора Сергунько, и, выбираясь из кабины, я с трудом поборол неподобающе кислое выражение, проступившее на лице от предвкушения предстоящего разговора. Увидав меня, Сергунько ничуть не удивился. С философическим равнодушием опершись о перила крыльца, он дождался, пока я поднимусь по ступенькам, и, пыхая жеваным недокурком, небрежно подал мне три вялых, засушенных пальца и тотчас отдернул руку, словно общался с больным проказой.

«Здравствуй, старый хрыч!» – молча покривил губы я, не утруждаясь общением вслух.

«Привет, зануда! – смерил меня недобрым взглядом Сергунько. – Чего приперся? Ключаря все равно нет, Ключарь нынче в отпуске...»

Помолчали. При этом Сергунько делал вид, что меня нет на крыльце, – задрав голову и двигая острым кадыком, разглядывал козырек над входной дверью, одним краем отвалившийся от стены, досасывал, прихватив гнутыми пальцами у самых губ, вонючий чинарик, зачем-то совал руку в карман брюк и звенел там мелочью. Потом он возвел на меня мученические очи: «Ну что вы все от меня хотите?» – швырнул на клумбу под окном недокурок и зевнул во весь рот.

«Ну и пасть! – едва не ляпнул я. – Крокодилья. Только

беззубая...»

– Ключарев на гаражах... – наконец изволил сообщить мне Сергунько, сообразив, что отделаться от меня не удастся. – Просил, чтобы не беспокоили по пустякам... Только по крайней надобности...

– Она и есть, крайняя...

– Тогда пойдем... Здесь недалеко...

Он взглянул с недоумением и досадой, нехотя сковырнул с крыльца и вразвалку, походкой страдающего геморроидальными коликами, заковылял в сторону железнодорожных мастерских. Я потащился следом, перегнувшись влево под тяжестью дипломата, по возможности оберегая правое предплечье с выпирающей, как мне показалось, костью и про себя изгаляясь над нашим увечным ходом: «Один – раскорякой, другой – криво и вбок». Потом и того больше – стал неслышно, в такт шагам, бормотать из Апухтина:

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид...

Но злызгычье не помогало. На душе было тошно как никогда, и вдруг в какую-то секунду я осознал: все, закончилось мое прокурорство. Только бы не сесть, только бы не посадили! Это ведь не шутки – будучи первый день в отпуске, хватить лишку, сесть за руль и, проезжая через соседний район, в хлам раскокать служебный автомобиль. Ради чего,

спрашивается? Чего ради?

Миновали громоздкое здание мастерских с огромными закопченными окнами, завернули в распахнутые ворота гаражного кооператива, потянулись между двумя рядами гаражей, обходя масляно блестящие лужи. Еще издали я увидел у одного из гаражей знакомую фигуру, колдующую под задраным капотом новенького «Москвича».

– Получите! – Сергунько указал кривым пальцем в сторону Ключарева, повернулся ко мне спиной и насмешливо обронил, уходя: – Место встречи изменить нельзя...

– Топай, топай, парнокопытное! – отвечивал я, но так, чтобы не быть услышанным, и вполне беззлобно. – Привет геморрою!

Но Сергунько, по всей видимости, почуял этот мой прощальный глас – шестым чувством или селезенкой – и оступился, заскользил по мокрой глине, пытаясь удержать равновесие, но все-таки въехал ногой в лужу. Тотчас два-три отборных словца из тех, какие пишут на заборах, долетели до меня и заставили ухмыльнуться. Что ни говори, а бывают в жизни минуты, когда площадная брань приносит глубокое душевное удовлетворение...

– Опля, какие гости! – высунувшись из-под капота, приветствовал меня Ключарев, затем распрямился, вытер грязным полотенцем руки и несильно ткнул меня кулаком в предплечье. – Чего кривишься? Что-то с рукой?

Морщась и запинаясь, я стал мямлить об аварии, не то

чтобы привирая, но умышленно не договаривая кое о чем: мало ли, вдруг Ключареву придется выступать по делу свидетелем...

– Погоди-ка, – прервал он меня на третьей фразе, пытливо и вместе с тем сочувственно заглядывая в глаза. – Садись в машину, поехали. По дороге доскажешь.

Он опустил капот, забрался в машину и завел двигатель. «Москвич» зафырчал, подпрыгнул и рывками заскакал по суглинку, наскакивая на лужи и разбрызгивая по сторонам маслянистую воду.

– Ну?

– Протекторы ни к черту... обочина... мокрое шоссе... грузовик этот чертов... – сбивчиво продолжал я, стараясь не дышать перегаром в сторону Ключарева.

– Стоит только обочину зацепить, да еще лысым колесом, да в дождь – и поминай как звали, – сокрушенно поддакивал моему рассказу тот. – А я, брат, собрался к морю. Ночью отчаливаю. Думал, налажу карбюратор... Так что, считай, повезло тебе... в смысле – не застал бы меня завтра в городе. Но мы сейчас все по-быстрому провернем...

«Обочина, колесо, дождь... Как любил, когда идет дождь! – между тем думал я, то и дело впадая в уныние и укоряя себя, судьбу и покладистого Игорька, который ни при каких обстоятельствах не должен был уступать мне место за рулем. – Сколько народу носится по дорогам, всякая пьянь – и хоть бы что. Почему именно мне надо было перевернуть-

ся?»

Снова выскочили за городскую черту, миновали кладбище, от сирых крестов которого я старательно уводил смятенный взгляд.

«Где там твоя машина?» – нетерпеливо поглядывал на меня Ключарев. В глазах у него прочитывалась мимолетная тень недоверия: и чего только не привидится спяну?..

В самом деле, – мелькнула у меня безумная мысль, – может, неправда, может, только и всего, что показалось?..

Но Игорек топтался на том же месте, где я оставил его полчаса назад, у края обочины, с прибитым видом и понуро опущенными плечами. Когда мы с Ключаревым подъехали, его осунувшееся лицо на мгновение просветлело и тут же снова погасло.

– Ну и где же?.. – вытянул длинную шею Ключарев, вертя головой и вглядываясь в придорожный кустарник, но тут же изумленно присвистнул: – Ни хрена себе! Как же вы ухитрились?.. – И сочувственно покосился на нас с Игорьком, не решаясь договорить: как же вы ухитрились выжить в этакой передрыге?..

3. Мирошник

Все-таки худо без добра не бывает. И коню ясно, что худо – угодить в скверную историю, расколошматить служебный автомобиль, вывалиться в грязи, повредить плечо и оцарапать коленки. Но, с другой стороны, худо ли – выжить, тогда как машина превратилась в раздавленную, жеваную жестянку, худо ли – вместо тупоголового гаишника найти помощь ловчача прокурора и так извернуться, чтобы ни осмотра места происшествия, ни протокола, ни объяснений под горячую руку? Значит ли это, что произошедшее нынче со мной является предупреждением свыше: гляди, не шали больше, иначе?!

Так размышлял я, пока автомобильный кран, пригнанный Ключаревым, вытаскивал из придорожных кустов, словно из преисподней, покалеченную «семерку», напоминавшую расплюснутую пивную банку. Подвешенная на тросах машина имела жалкий, убитый вид, и я в который раз за сегодняшний день сказал себе: конец всему, конец начавшей налаживаться жизни, и мне конец, как этой несчастной машине...

– Майна, майна! – хрипло разорвался рядом со мной какой-то горлопан. – Теперь правее. Вира! Я говорю, вира, хрен ты собачий!

Машина безвольно покачивалась, ударяясь о высокие борта «КамАЗа», на мгновение замерла, затем с хрустом

нырнула в кузов и улеглась там.

– Virtuоз, Петрович! – похвалил разорявшегося горлопана Ключарев и в хитрой ухмылке вздыбил рыжеватые усики. – Как по нотам... Вот только хрен... хрен ни к чему...

– Виноват, Александр Николаевич! Сами видите: я ему – вира, а он что вытворяет, хрен собачий...

Ключарев дружески похлопал Петровича по плечу и обернулся ко мне:

– Полдела сделано. Что дальше? Куда эту... потерпевшую? – он кивнул в сторону затаившейся в глубинах кузова «семерки». – К тебе в прокуратуру? Не советую. Ее бы спрятать до времени, а там что-то придумается.

В самом деле, в прокуратуру нельзя: тотчас по поселку пойдет звон...

– Сделаем так, – протянул я, цепляясь за мимолетно скользнувшую мысль. – Едем в Приозерск, там директор маслозавода напрашивается в друзья, – вот и поглядим, какой он друг, этот Мирошник. Игорек поедет на «КамАЗе», а мы с тобой рванем на опережение. Подсуетимся, найдем этого Мирошника, – может, получится столкнуться.

– Едем! – тотчас согласился Ключарев и, переступая длинными ногами через лужи, направился к «Москвичу». – Ох и намнет мне холку жена! И не поверит, что у нас с тобой непредвиденные обстоятельства. Слово в слово из Гражданского кодекса: непреодолимая сила. Во как!

Двинулись в обратную сторону.

– А в Крыму сейчас благодать: солнце, море, горы, вино красное, вино белое, – изредка заводил свою нынешнюю песню неунывающий Ключарев, мысленно пребывавший уже в теплых краях и вряд ли понимавший, что этим своим радужным настроем, точно орел когтями, раздирает мне печень. – Еще барышни в купальниках, а я со своим самоваром... Как знаешь, а жизнь несправедливо устроена. Вот бы нам, мужикам, яко мотылькам, безмятежно порхать с цветка на цветок, крылышками махать, нектаром живиться. Так нет же, едва порхнул, а там какая-нибудь саррацения или вот еще – венерина мухоловка: приманила, хватъ – и кончено, влип. Тьфу, пропасть!

Я молча кивал, а тем временем баюкал руку, и еще маялся одной и той же, неизбывной, но и неуловимой мыслью, что кто-то, счастливчик, едет нынче ночью в Крым, и на душе у него покой, тогда как у меня... тогда как мне... Ни скрыться, ни вывернуться от того, что произошло, ни представить, что будет со мною дальше.

– Если хорошенько вдуматься, земная жизнь проста до примитивизма: здесь каждый может существовать только за счет другого, – продолжал философствовать говорливый Ключарев, наворачивая баранку автомобиля. – Растения сосут земные соки, травоядные пожирают растения, хищники жрут травоядных, люди, как и положено, – и то и другое. Но и человеком кто-то питается: бактерии и черви – телом, а душой... Может статься, что наши души тоже кто-то выра-

щивает, как цветы в питомнике, а когда приходит срок созревать – срывает и высасывает, как дурак махаон – нектар с орхидеи. Все мы – пища для чьей-то поживы. Да, может быть и такое. А, Женя?

И вдруг выпустил на мгновение руль, хлопнул в ладоши и дурашливо закричал, объезжая заполненные водой выбоины в асфальте:

– Ой как рванем мы сейчас по лужам, как сыпанем мелкой дробью! Не дрейфь, Женька, прорвемся!

«Это он меня заговаривает, – наконец сообразил я и в ответ соорудил благодарную гримасу, хотя не испытывал сейчас ничего, кроме раздражения, усталости и потерянности в этом безжалостном и бездушном мире. – Он-то, может, и прорвется, а я...»

Между тем дорога потянула на взгорок, и в редких просветах между придорожными кряжистыми тополями замелькали первые дома Приозерска, карабкающиеся на следующий взгорок. А меж этими взгорками привычно блеснула гладь рукотворного ставка, сотворенного местным рыбхозом.

– Вот так-так! – вздохнул Ключарев, с жадностью закоренелого рыбака взглядывая на широкую привольную воду серо-стального отлива. – Сколько сговаривались – так и не позвал на рыбалку. А ведь обещал...

«Нашел время!» – едва не огрызнулся я, но вовремя прикусил язык: все-таки именно он, Ключарев, а не кто-либо

другой, выручал меня сейчас.

Спустились на мост – и тотчас потянули в гору, уже по поселку.

– Ты вот что, возьми-ка да пожуй, – Ключарев достал из нагрудного кармана и подал мне пластинку жевательной резинки. – Всегда вожу с собой: мятная, хорошо отбивает запах. Мы с тобой люди заметные, всегда какой-нибудь нюхач найдется на нашу голову... Ну, дальше-то куда ехать?

Миновав контору рыбхоза, мы свернули в боковую улочку и через три сотни метров остановились у ворот Приозерского маслозавода.

Ворота были распахнуты, но проезд загораживал молоковоз с желтой цистерной-кузовом, и косматый шофер с накладными в руке, высунувшись из кабины, о чем-то толковал с охранником, приземистым типом в заводском камуфляже. Здесь же, у проходной, стоял директор, Василий Александрович Мирошник, плотный крепыш с брюшком, гладкой, как яйцо, лысиной ото лба до макушки, цепкими желто-кариными глазами и щеточкой усов под плюшкой-носом. Едва «Москвич» притормозил, Мирошник, не переставая говорить с человеком, стоявшим с ним рядом и мне не знакомым, тотчас зацепил меня глазками и уже не отпуская ни на миг.

– Это твой друг, тот лысый мордovorот? – поинтересовался Ключарев, пожимая мне на прощание руку. – Точно он тебе друг? Я больше не нужен? Ну гляди. Тогда я обратно, на всех парах... А ты, брат, держись!

Выбравшись из автомобиля, я подождал, пока «Москвич» развернулся и, шоркая резиной по гравию, понесся прочь, затем, с видом неприступным и независимым, направился к проходной с портфелем наперевес.

– Евгений Николаевич! – воскликнул Мирошник, не отлипая от меня хитрым настороженным взглядом. – Какими судьбами? Ведь вы, говорят, в отпуске?

– Кто говорит? – процедил я сквозь зубы и подал ему руку – щадяще, стараясь не производить резких движений. – Одни болтуны вокруг!

Глазки у Мирошника сделались масляными, – и мы молча, понимающе улыбнулись друг другу, потому что знали: об отпуске вчера вечером говорил я, когда втроем (третьим был Игорек) выпивали в лесу за Приозерском.

Затем я вяло пожал ладонь незнакомца, – и тот внезапно насторожился и заглянул мне в глаза быстрым внимательным взглядом. «Ну, чего еще?» – хотел урезонить незнакомца я, но после рукопожатий травмированную руку потянуло книзу еще сильнее и болезненнее, – я и не хотел, покривился.

– Вот что, Василий Александрович, давай-ка отойдем на минуту, – взял я Мирошника за локоть, и когда мы оказались одни, поинтересовался: – Кто это у тебя?

– Доктор, хороший хирург по фамилии Кукушкин. Если есть геморрой или еще что...

– Нет у меня геморроя. А дело к тебе, Василий Александрович, есть, серьезное дело. Вот, собственно...

Я вкратце изложил, зачем приехал, и пока говорил, лицо у Мирошника вытягивалось, зрачки потемнели и стали непроницаемы, да он прикрыл еще их ресницами, так что не разобрать было, что у него теперь на уме. «Даром приехал, – мелькнула унылая мысль. – Вот уж кто настоящий жук! Не жук, а жучара!» Но, к счастью, я ошибся.

– Машину я спрячу, – сказал Мирошник, качая головой и сочувственно на меня глядя. – Есть у меня свободный бокс... А вам, Николаевич, надо бы врачу показаться. Эй, Виктор Григорьевич, иди-ка к нам! – не спросив моего согласия, подозвал он Кукушкина. – Тут неприятность с рукой...

Пальцы у Кукушкина оказались жесткими и быстрыми, но орудовал он ими легко, умеючи, – и через несколько секунд манипуляций с моим плечом он выдал диагноз:

– Связки порваны. Нужна небольшая операция.

– Операция?! С чего вдруг? – похолодел я, как похолодел бы всякий нормальный человек, пуще всего на свете опасющийся попасть в руки коновала. – Может, срастется?

– Не срастется. Приходите, сделаем играючи: хороший наркоз, полчаса времени – всего-то делов!

«Всего-то?.. Черт рябой! Всего-то...» – едва не взорвался я, но в эту минуту к заводским воротам подкатил «КамАЗ» с несчастной «семеркой» в кузове. Из кабины грузовика выбрался Игорек и, подойдя, шепнул мне на ухо, что добрались без приключений. Он был потерян и сер, как будто пылью притрушен, и глаза были у него несчастны, но парень изо

всех сил бодрился, и ссадина у него на локте уже не кровоточила, бралась коркой. Приободрить бы его, но душевных сил осталось у меня совсем немного, и я только и всего, что апатично похлопал Игорька по плечу.

Мирошник тем временем не утерпел – вскочил на ступеньку «КамАЗа», заглянул в кузов и, округлив глаза, тихонько присвистнул:

– Н-да-а!..

Потом подозвал охранника и велел вызвать к нему завгара.

4. Из города А в город Б

Возвращались молча, – благо водитель заводской «Нивы», которую удружил Мирошник, попался неразговорчивый, как говорится, весь в себе: дымил, прикуривая очередную сигарету от недокурка, смотрел перед собой на дорогу и время от времени поглядывал на часы, как будто торопился куда-то, а мы с Игорьком нарушили его планы. Ехать надо было ни много ни мало – 60 километров. Я думал в числе прочего и об этом – что если бы не был упрям и своеволен и после назначения перебрался с женой в Приозерск, как требовало того руководство, а не мотался каждый день в другой город, то не произошло бы сегодня того, что, к несчастью, произошло. Но я был упрям и своеволен и зачастую поступал вопреки здравому смыслу, – надо полагать, отсюда и проистекали нынешние мои обстоятельства.

Мое продвижение по службе долгое время оставляло желать лучшего. Семнадцать лет в скромной должности помощника прокурора – это вам не фунт изюму, как говаривали в старину. Сначала карьерный рост тормозился по причине моей беспартийности, затем, когда условие отпало, выяснилось, что течение времени для меня остановилось: те, от кого зависело принятие кадровых решений, привыкли видеть во мне именно того, кем был эти долгие семнадцать лет: помощника прокурора. К тому же о моих личных каче-

ствах – упрямстве и своеволии – уже проведала каждая собака, хотя с возрастом я научился сдерживать эти качества: не то чтобы стал осмотрительнее, скорее – безразличнее к тому, что меня окружало. «Капитан! Никогда ты не будешь майором!» – все чаще повторял я слова известной песни и почти смирился со своей незавидной участью: мало ли вокруг людей, не хуже и не лучше меня, которые получили майорские звездочки вместе с пинком под зад: на пенсию!

И тут судьба решила поиграть со мной в поддавки: мне предложили должность прокурора Приозерского района.

– Наконец-то! – сказала Даша и поцеловала меня в уголок рта. – Давно заслужил. Знакомые устали спрашивать: когда?..

Тогда она была еще рада этому назначению, и просияла, и произнесла с подчеркнутым торжеством: рада за нас...

Но и на этот раз судьба, играя в поддавки, не удержалась от соблазна подразнить меня, – и назначение откладывалось: сперва на месяц, потом на два... То бывший прокурор, Сергей Козлов, мой однокашник по институту, уволенный не столько за упущения, сколько, по слухам, из-за конфликта с прокурором области Мартынчуком, надумал судиться, и с моим назначением тянули, ожидая разрешения спора о законности увольнения; то, когда судом было оглашено решение, выяснилось, что нужные бумаги еще не поданы по инстанции. Я все ждал и ждал, – каких усилий требовало от меня, холерика, выматывающее кишки ожидание, догадатель-

ся несложно. Когда же наконец осознал, что ожидание придумано Господом Богом для обуздания таких, как я, погас и затаился – лучший способ избежать инфаркта или сумасшедшего дома. Что ни говори, а жизнь полна несправедливостей и парадоксов. Чехов когда-то, очень давно, обмолвился: никогда ничего не бывает потом. Я могу сказать о себе иное: у меня никогда ничего не бывает сразу. Проверено, и не один раз.

Но вот свершилось...

Была пятница. Весь день меня и таких, как я, назначенцев, водили из кабинета в кабинет, заместители генерального что-то невнятное толковали и обращались с напутствиями, потом в маленьком зале появился генеральный и с видом мученика (накануне его с пристрастием «пытали» в парламенте) произнес краткую прочувствованную речь.

– Время непростое. Сейчас как никогда тяжело, очень тяжело. Имейте мужество придерживаться закона, не поддаваться на местничество и попытки подмять под себя око державное – прокурора. Такой соблазн есть у многих... Держитесь, ребята!

Мы вдохновились и обещали держаться. С тем и разъехались по домам.

– Поздравляю! – улыбнулась Даша, но не удержалась и едва слышно вздохнула. – Дальше-то что?

По всему, сомнения ее мучили: правильно ли поступаем, нужное ли это дело – на пять лет оторваться мне от семьи?

Речи о том, чтобы ей поехать со мной, не было изначально: не дети уже, да и как нам оторваться от дома, в котором я родился и вырос, который, унаследовав пять лет назад, пытались с ней реанимировать, привести в чувство. Ответа сомнениям у меня не было: что будет, как? А черт его знает, что да как! Как-то будет.

– В понедельник областной повезет в Приозерск – представлять, а там... Знаешь, пойду-ка я на охоту. Два выходных дня, замечательная погода: морозец, снег устоялся, заячьи следы как на ладони. А, Дашенька?

– Конечно, иди, – легко согласилась жена. – Проветришься, придешь в чувство. Только не убивай никого, ладно?

– Как это – не убивай? Охота тогда зачем? Убить ноги? Закон природы, Дашенька: все живое живится живым.

– Живится, если голод мучает. А ты голоден? Я тебе борщ сварю...

– С зайчатиной... Ну вот, ну хорошо, постараюсь промахнуть... Живите, зайцы!

И мы пошли – я и мой приятель Леонид Журавский, страстный охотник и рыбак, при этом немного браконьер – в том смысле, чтобы по возможности не платить всяческих поборов и взносов, но при этом потихоньку охотиться и рыбачить. Всегда он был готов к походу – и в снег, и в дождь, – снасти и снаряжение содержал в образцовом порядке, порох хранил сухим, заряжал патроны, готовил макуху, копал червей сам, и всегда на дне рюкзака была у него войсковая

фляжка с водкой, настоящей на зверобое.

– Маршрут такой, – сказал Журавский накануне вечером, когда мы сговаривались по телефону. – Утром, в половине шестого, встречаемся на вокзале, садимся на электричку, на следующей станции выходим. Покружим по полям вокруг Семеновки – на днях я видел там уйму свежих следов, – и обратно пешим ходом. Не проспай только, как в прошлый раз...

Но я снова проспал.

– Ну и что теперь? – упрекнул Журавский, когда хвост электрички скрылся за поворотом. – Пешим ходом туда и обратно? Между прочим, зайцы вокруг вокзала не скачут, нет здесь зайцев. Ау, косые!

– Ну и мопс их дери! – сказал я виновато. – Убьешь, а потом черт его знает, что с ним делать. Освежевать надо, а как? И потом, Даша...

– Она что у тебя, девушка? Мяса не видела? Как хочешь, а зайца мы сегодня возьмем!

И мы прошли в конец перрона, спрыгнули на протоптанную тропинку и потянулись вдоль колеи в сторону Семеновки.

Сначала тропинка была широка, утоптана, идти было легко и приятно – сквозь облачную взвесь просеивалось пигментное солнечное пятнышко, под ногами похрустывал спрессованный наст, свежий морозный воздух приятно холодил бронхи, – но за железнодорожными складами тропинка разделилась на тропки, истончилась, и ноги то и де-

ло стали увязать в рыхлом снегу. Тогда свернули на огороды, кое-как переделенные вехами, – и тут оказалось, что снежная простыня вся исчерчена путаными заячьими следами-дорожками.

– Тихо! – приложил палец к губам Журавский и насто-рожился, точно охотничья борзая, заблестел глазами, задышал с придыханием, потянул из-за спины заолодевшую двустволку. – Тсс! Где-то здесь...

– Заяц!

Двустволка тотчас взлетела, нацелилась стволами в ту сторону, куда я указывал, – но из-за куста смородины выпрыгнул толстый палевый кот и, не обращая на нас внимания, протрусил наискосок в сторону складов.

– Мышкует, – разочарованно протянул Журавский, но уже охотничий азарт подталкивал его в спину; он стал на след, переметнулся на другой, при этом помахивая в воздухе пальцем и приговаривая: – Этот – вчерашний, уже припорошило. А этот – с ночи, свежий. Где-то он здесь затаился, косою...

Но миновали огороды, выбрались на кольцевую дорогу, миновали и ее, а было все то же: безмолвные белые пространства, путанные следы-письмена, говорящие, что было, было здесь теплое, живое, заячье, да сгнуло, ускакало за те холмы и перелески, зарылось под те скирды, перебежало на ту сторону ставка по припорошенному ночным снежком льду. Я уже и ружье утомился вскидывать и прицеливаться в

пустоту, а мой приятель оставался настороже и все шел, все петлял вслед очередному следу, чуть только не принюхивался по-собачьи: не пахнет ли, часом, желанной дичью?

– Ну? – наконец не выдержал я, когда мы сторожким шагом протопали еще несколько километров – на этот раз вдоль шоссе, ныряя в придорожную лесополосу и продираясь сквозь цепкий мерзлый кустарник. – Ну же?!

Журавский вздохнул и стал оглядываться по сторонам в поисках места для привала. Смуглые щеки и скулы его стали еще смуглее – как бы румянее, усы и брови заиндевели, вязаная шапочка сбилась на затылок, и на таком же смуглом лбу открылся редкий, влажный, прилипший к коже чубчик.

На поваленной, давно прогнившей осине мы разложили свои тормозки, глянули друг на друга, – и Журавский потянул из рюкзака заветную флягу.

– А у меня маленькая коньячка, – вздохнул я, отлично понимая, какая это никчемная выпивка на охоте – коньяк. – Начнем с моей или?..

– Или! Я как выпью водочки на зверобое – гребу потом по снегу как конь. Ну, за удачу!

Выпили по стопке и тут же налили по второй.

– Где-то он здесь, косою, где-то здесь! – торопливо жуя и не переставая оглядываться по сторонам, бормотал в запале Журавский. – Не мы его, он нас водит.

– Угомонись, Лёнчик! Как же, здесь... Ну так налей и ему...

– Ты вот что, ты лучше наворачивай! Сейчас – по третьей, и через поле – к селу. Они хитрые, зайцы: мы их здесь пасем, а они все там, возле жилья.

Наскоро перекусив, потянулись через поле к селу.

– Вот же он, сволочь, в пятидесяти метрах от нас сидел и смотрел, как мы ели-пили! – воскликнул в запале Журавский, тыча стволами в небольшую вмятину в снегу и от нее – в неровную линию следов, убегающих к близким хатам. – В прятки играет? А ну, Женя, давай, а ну, пошли!

И он попер по снегу как танк, то и дело оглядываясь и подгоняя меня взглядом, – сначала к коровникам, потом мимо них, через чахлый яблоневый садик – к крайней хате. Судя по всему, нежилая, с забитыми окошками и поваленным, раздерганным на штакетины забором, с небольшим подворьем, на котором хлев с провисшей дверью, холмик земляного погреба и собачья будка, – хата была дика и печальна. И где-то здесь, на подворье, притаился заяц, сюда вели следы игреком: передние – по сторонам, задние – в линию.

– Ах ты!..

Одновременно с тихим возгласом приятеля и я увидел – у лаза в будку сидел на задних лапах большой серый заяц и с немым удивлением глядел на нас бусинками-глазами, точно вопрошал: как меня отыскиали? Обмишурился, что ли?

«Бум!» – почти одновременно раскатились два гулких выстрела. Из-за сильной отдачи меня двинуло прикладом в плечо и откинуло назад так, что с головы слетела шапка-ушанка.

– Есть! Готов! – заорал рядом со мной Журавский и, не видя уже меня, не замечая громкого вороньего грая, взметнувшегося с островерхого тополя на задах подворья, рванул к распластавшемуся у будки зайцу.

Подхватив шапку, и я побежал. Серый лежал на боку, откинув в одну сторону лапы, в другую завернув голову и стекленея глазами. Крови почти не было видно, и в какой-то миг я даже подумал, что заяц притворяется и сейчас вскочит, ударит по воздуху лапами и махнет в поле. Но он был недвижим и холодел на глазах.

– Какова добыча, а?! – ликуя, Журавский ухватил мертвую тушку за задние лапы и встряхнул передо мной.

– Кто убил? – спросил я, поддаваясь этой первобытной, дикой, ни с чем не сравнимой радости. – Я тоже стрелял.

– Я убил! И ты убил! Оба убили! А теперь надо выдавить из мочевого пузыря мочу, чтобы... сам понимаешь зачем. – Он наклонился над зайцем и рукояткой ножа надавил на низ мягкого и теплого еще брюшка – тотчас на снег брызнула жалкая бледно-желтая струйка. – Гляди-ка, зайчиха! Опытная, битая – лапа вкривь, была перебита, потом срослась. Ну дела!

Журавский распрямился и, белозубо сияя, упрятал нож в ножны. Потом хлопнул себя ладонями по бедрам и счастливо, заразительно рассмеялся.

А меня вдруг оторопь взяла: дальше-то что? Ведь Дашенька просила не убивать...

5. Первая часть Марлезонского балета

Тут я очнулся от размышлений, – проезжали то злосчастное место, где несколько часов тому назад мы с Игорьком едва не отдали Богу душу. Кусты, принявшие на себя удар «семерки», все еще были примяты, но уже пытались распрямиться. И уже всюду сияло над ними солнце, лезло во все прогалины и просветы слепящими беззаботными лучами; играло солнечными зайчиками и на памятнике, притаившемся напротив, через дорогу от «нашего» места, – и эта пляска живого на мертвенном выглядела особенно жутко и неизбывно.

По всей видимости, Игорек тоже смотрел в окно, и, судя по тому, как он тихо вздохнул на заднем сиденье, мысли у него были те же, что и у меня. И тут мне пришло в голову, что парень по моей вине мог погибнуть, и то, что он остался цел, – такое счастье, какого, может быть, я не заслужил, а значит мне придется еще расплачиваться за это.

Самое время было подумать о божественном проявлении в судьбе, но почему-то думалось о другом. Опять эта дорога, въезжая в печенку, эти ежедневные 60 километров в одну сторону, а затем – в другую. Зачем? И почему нельзя было устроить иначе: проще, теплее, легче? – едва не спросил я и тут же прикусил язык: у кого спрашиваю? Человек смертный

не может у Него спрашивать! Или все-таки может, но осторожно, с оглядкой и ни в коем случае не с упреком, а как бы между прочим: а? что-то со мной не так?

А может, за то мне перепадает, что не послушал Дашеньку и убил в тот день несчастного зайца?..

Но тогда и мысли такой не приходило мне в голову. Да и с чего бы ей, мысли, приходиться? Я явился домой в приподнятом настроении, даже разгром нескольких последних лет, который мы называли ремонтом, – ободранные и вновь оштукатуренные стены, еще не беленые, темно-серого отлива, черные полы и некрашенные оконные и дверные рамы, сменившие старые, негодные и источенные жучком, – даже эта неустроенность показалась тогда уютной и обжитой.

– Эх! – воскликнул я разудало, скинул в прихожей неподъемные сапоги и, поджидая жену, приморено и сладко раскинулся на низкой скамеечке: ноги и руки – по сторонам, спиной и затылком – к стене, блаженными глазами – в слепую лампочку под потолком. – Эй, кто дома? Я пришел! Есть у меня жена или я уже холостяк?

Она тотчас отозвалась и по уложенным на шпалы доскам (в столовой пол настился на старые шпалы, выписанные мной по дешевке) перебежала с кухни, подошла, положила теплую сухую ладонь мне на влажный лоб.

– Что охота? – убедившись, что жара у меня нет, спросила она. – Убил ноги?

– Что ноги? А вот погляди-ка...

Я достал из рюкзака пакет с половиной заячьей тушки и в душе добрым словом помянул Журавского, освежавшего зайчиху и разделившего тушку по-братски. А что было бы, принеси я домой добычу и начни обдирать с нее шкуру на глазах у жены? Недаром моя мать называла Дашу – «мимо-за»... Но в тот день хитрость удалась: одно дело убитая и не освежаванная зверушка, другое – безликий кусок мяса, не страшнее филея, купленного на базаре.

– Он не сильно мучился? – только и спросила у меня Даша.

– Она, зайчиха. И понять ничего не успела – сразу легла. Старенькая она, Дашуля, совсем старушка. Если бы не мы с Ленчиком – околела бы от старости где-нибудь под кустом.

– А вы спасли ее от мучений? Лгун несчастный! Ладно, сегодня – твой день, будет тебе зайчатина в сметане.

Эта зайчатина в сметане сослужила мне добрую службу в дальнейшем. А может, совсем наоборот, – кто теперь разберет...

Утром в понедельник я упаковал в дорожную сумку все, что на первое время могло понадобиться вдали от дома, но перед этим на дно сумки Даша пристроила кастрюльку с тушеной зайчатинной.

– Ты мне еще спасибо там скажешь, – прибавила тоном, не терпящим возражений. – Кто знает, как там сложится. А закуска – вот она, в сумке...

Я не возражал – не до того было. Только и всего, что

мелькнула мысль: а хорошо бы к закуске еще и бутылочку. Но бутылочка – вошедшая в моду водка «Распутин» – в сумку не помещалась, хоть убей. И я махнул рукой: не за тем в Приозерск еду...

На заднем крылечке прокуратуры области, во двор которой я втащился с сумкой, стоял Чижик-Пыжик Чуков – небольшого роста человек, плотный, медлительный, сладкоголосый, донельзя самодовольный – и дымил сигаретой, выпуская дым, струйку за струйкой, сквозь сложенные в трубочку губы. Чижиком-Пыжиком Чуков был прозван недавно, как только сумел пробраться на место начальника отдела кадров и, пробравшись, неожиданно надулся, распушил перья и стал подавать себя как мерило нравственных и профессиональных качеств, которыми должен обладать каждый прокурор. Увидев меня, он двинул пушистыми бровками, выпустил струйку дыма, выловил заплутавшую в усиках табачную крошку и только потом, с высоты двух ступенек, изволил меня заметить.

– Прибыл? Готов? – одобрил меня тихим голосом и перевел взгляд на служебный автомобиль прокурора области, последние пылинки на капоте которого снимал полотенцем неразговорчивый водитель. – Сейчас поедем.

«И этот поедет?» – подумал я, впрочем, вполне равнодушно, – теперь мне было не до Чижика-Пыжика, тем более что на крыльце появился прокурор области Мартынчук. Тотчас недокурок был погашен и выброшен в урну, живот подобран,

и Чуков, весь подавшись к Мартынчуку, едва слышно о чем-то прошелестел.

– Едем! – распорядился хрипловатым, как бы простуженным голосом тот, искоса посмотрел на меня и перед тем, как усесться на переднее сиденье, подал мне руку.

Пожатие оказалось крепким, какое бывает у людей сильных, искренних и открытых, и я внезапно проникся симпатией к этому седовласому человеку, крепко сбитому, гладко выбритому, подтянутому, выправкой напомнившего мне деда, прапорщика царской армии, фотография которого висела у меня на стене.

Невольно мое расположение передалось и на Чукова, пристроившегося на заднем сиденье рядом со мной. От него пахло одеколоном и табаком, а на безымянном пальце тускло блеснула золотая печатка. И сел он так, чтобы не сближаться со мной, даже ноги поджал и коленями отвернул в сторону – что тебе красна девица.

«Держит дистанцию, – подумал я и в свою очередь отсел подальше и стал смотреть в боковое окно. – А я-то проникся... Ну и черт с тобой, ну и отодвигайся! Я тоже от тебя отсяду».

Машина рванула со двора, охранник в камуфляже проковылял следом – закрывать ворота. За стеклами замелькали улицы, переулки, крутой поворот и спуск к реке, мост и под мостом – широкий незамерзающий свинцово-платиновый плес со слюдяными, промерзшими взлизами у побере-

жий.

«Что же это, – думал я, ощущая скорее смутную тревогу, чем радость от счастливой перемены в своей судьбе, – куда еду? Зачем? Даша идет сейчас на работу, идет одна, а не под руку со мной, как было заведено у нас с нею. А я? А эти коротышки-ноги Чижика-Пыжика? А выпяченная губа у него, а усы, похожие на вытертую зубную щетку? Этого я хотел? Неизвестности и людей рядом с собой, которые, может статься, будут мне неприятны, как этот проныра Чуков? И как далеко меня занесет к таким людям? Надолго ли?»

Но машина все набирала скорость, и город уже скрылся далеко позади, за синими лесополосами, в блеклом утреннем мареве. Больше молчали, и только изредка Мартынчук, не поворачивая головы, перекидывался фразой-другой то с водителем, то с Чуковым – и снова замолкал, глядя перед собой на укатанную подмороженную дорогу. И это его право молчать, когда не хочется говорить, и то, что сказанное им меня не касалось, как будто не было такового в салоне, вместе с облегчением (не надо поддакивать, отвечать на вопросы, изображать то, чем ты не есть на самом деле) напрягало странной неопределенностью. Кто я в этой компании? Все тот же маленький человек? Значит, ступенька не подняла вверх, я все там же, иллюзии гроша ломаного не стоят? Неправда, – тотчас пытался возражать себе я, – все переменялось, и в скором времени я познаю эти перемены. Надо только немного обождать, совсем немного, самую малость...

За размышлениями я не заметил, как мы оказались в Приозерске. Я уже был здесь когда-то, и все, что запомнилось с той поры, – несколько длинных извилистых улиц, одноэтажные домики, рукотворный ставок, поглотивший русло речушки Роставица, и большая гоголевская лужа перед недостроенным административным зданием, в которой деловито бродили жирные злые гуси.

На перекрестке свернули налево, к одноэтажному домику на холме, – то была прокуратура района.

«Ну вот, Евгений Николаевич, ваше хозяйство, – обратился к самому себе я – на «вы» и с почтением. – Не бог весть что, однако же...»

С черного хода торжественная процессия проследовала в мой будущий кабинет – через коридор и крохотную канцелярию. По пути из распахнутых дверей высовывались и исчезали какие-то лица, в канцелярии от пишущей машинки поднялась секретарь-машинистка и проводила входящих темными, округлившимися от волнения глазами. Ускользая от ее всполошенных глаз, я увел взгляд ей за спину, на окно, и мимоходом разглядел внутренний дворик и какую-то женщину, полощущую в ведре тряпку у водопроводного крана.

«Техничка», – механически определил я и тотчас о ней забыл.

В кабинете за письменным столом сидел худой, сморщенный, смуглый человек, цветом кожи напоминавший обгоревшего на солнце пирата-испанца из какого-то голливудского

кинофильма.

– С приездом! – сказал он, подчеркнуто округляя слова с буквой «о», и стал боком выбираться из-за стола, как если бы освобождал занятое на время место. – Добрый день, Богдан Васильевич! – раскланялся он с Мартынчуком, затем по очереди подал сухую узкую ладонь Чукову и мне.

– Все готово, Ильенко? – не обращая внимания на освобожденное для него место, спросил Мартынчук. – В администрацию сообщили?

– Лично уведомлял. Но сегодня сессия райсовета, на ней докладчиком – председатель. Так что накладка вышла. Но первый заместитель на месте.

– Звоните заместителю, – свел густые брови к переносице областной и стал оглядывать кабинет, на глазах мрачней и покрываясь красными пятнами.

«Не нравится ему здесь, – сообразил я, следуя за взыскующим взглядом Богдана Васильевича. – В самом деле, какое-то все убогое: стены обшарпаны, плафон под потолком треснул, выключатель болтается на шнурке. Впрочем, там, откуда я прибыл, здание не намного лучше. Чего хмурится зря? Ах да, не встретили, сессия!..»

Тут кто-то привалился ко мне животом, – и неслышно похрюкивая со спины Чуков мягкой лапкой помял мне локоть, затем взглядом указал на раздолбанный выключатель:

– Отремонтируй. И вообще, сделай-ка тут ремонт. Видишь, сердится, – незаметно кивнул в сторону Богдана Ва-

Сильевича. – А ты возьми и сделай.

Я молча послал Чукова туда, где ему самое место быть, – и тут Ильенко положил на рычаг трубку телефона и сказал, что в администрации ждут нас.

– Подождут! – раздраженно отмахнулся Мартынчук и велел собрать в кабинете коллектив.

Лицо у него было красное, сердитое, и я невольно подумал: вот как его разобрало! Верно, гипертоник – иначе с чего бы ему краснеть? Но чувство собственного достоинства, особенно в общении с администрацией, надобно у него перенять.

Через несколько минут коллектив выстроился полукругом подле двери. «Знатный коллектив, – не удержался я от улыбки, – пять человек, не считая меня». Пока Мартынчук говорил то, что положено в таких случаях говорить, я каждого из них обвел взглядом и, признаться, был озадачен: как сработает с людьми, у которых такие странные, постные, недовольные лица?

Помощник прокурора Леонид Юрьевич Саранчук, здоровенный, как лось, детина с нервными бегающими глазами, – судя по всему, взрывной и несдержанный, – был представлен первым. Глянув на меня свысока, он косо и дерзко ухмыльнулся каким-то своим, потаенным мыслям, точно всем своим видом хотел показать: не на того нарвался, дружок, я сам по себе!

Следователь Ильенко с редким именем-отчеством Мирон

Миронович держался независимо, глядел цепко и все поджимал сухие губы, как человек себе на уме, понимающий в жизни то, что другим недоступно. Был он желт, сух, кривоног и походил на богомола, а еще за версту несло от него крепким дешевым табаком.

Не показалась мне и секретарь-машинистка Надежда Григорьевна Гузь, смуглолицая, темноглазая, невзрачная женщина лет сорока с неправильными чертами лица, слегка скошенным на сторону ртом и темными усиками над верхней губой. Что-то в ней было жалкое, и глядела она как-то беспомощно, с глубоко запрятанной, вековой обидой на жизнь. Но в моих нынешних обстоятельствах я менее всего настроен был утешать, нянчить, вникать в чьи бы то ни было проблемы и неудачи. Работать надо, как напутствовали меня в Генеральной прокуратуре, несмотря ни на какие препоны и обстоятельства.

И я с легким сердцем перевел глаза на остальных.

Водитель Виктор Ищук, деревенский парень с чубом, прикрывающим невысокий лоб, косил на один глаз, – поэтому ощущение, что перед тобой пройдоха и лгун, тотчас возникло у меня.

И наконец, техничка Люба – та, что полоскала тряпку во дворе у крана – тетка неопределенного возраста, жилистая, подвижная и на первый взгляд простецкая, но что-то в ее лихом облике свидетельствовало об обратном. И точно, едва мы встретились взглядами, как бесцветно-голубые зрачки у

нее загорелись, заблестели, а губы расползлись в ухмылке, открыв ряд коронок и мост из недорогого белого металла.

«Ну и публика! – невесело подумал я. – Ну и дела! Сработаюсь ли? Что получится у меня с ними всеми?»»

6. Вторая часть Марлезонского балета, или Зайчатина в сметане

Машина на ухабе спружинила, нас хорошенько потрянуло, – и рука моя тотчас закапризничала, заныла.

«Как некогда, встарь – возвращаемся на щите, – тяжело вздохнул я, даже веки прикрыл – такое отчаяние нахлынуло, заполонило. – А Даша, что скажу Даше? Просила: не езд, побудь дома. Но в доме теперь никак: неуютно, пусто, точно нет уже для меня дома. А все так замечательно начиналось...»

Снова я задумался, вспоминая свой первый день в Приозерске.

С полчаса проволынив, обойдя все кабинеты, заглянув даже в каморку, где хранились ведра и швабры, и под конец позвонив в прокуратуру области – выспросить, не случилось ли чего непредвиденного за время его отсутствия, – Богдан Васильевич изволил ехать в администрацию. Чтобы не блуждать по кабинетам, пятым в машину усадили Ильенко, – и тот, прикрывая ладошкой рот, чтобы скрыть табачный запах (был выруган за насквозь прокуренный, с желтыми разводами по стенам и на потолке кабинет), подсказывал водителю путь:

– Направо... Теперь прямо...

Вновь проскочили перекресток и покатали к центру по-

селка. Но теперь вместо врезавшейся в память гоголевской лужи, гусей и строительных лесов впереди забелели стандартное здание районной администрации и площадь перед ним, перечерченная дорожками и укрытая сизым лежалым снегом.

– Вот тебе раз, Цибульский! – позабыв о запахе изо рта, воскликнул внезапно Ильенко и указал на неспешно идущего по тротуару мужичка в отороченном мехом картузе и в темной невзрачной куртке, напоминающей телогрейку. – Наш председатель. Сессия, наверное, окончилась. Живет здесь, неподалеку...

Машина взвизгнула тормозами. Сгорбленная, сухая, костлявая фигура Ильенко (не человек, а высушенный стручок перца, – невольно ухмыльнулся я) живо выгреблась из салона, перебежала на тротуар и там, прижав к бокам локти, что-то стала толковать мужичку в картузе. Тот нехотя вникал, глядя под ноги, затем тряхнул головой и направился в нашу сторону.

– Цезарь Сигизмундович, – представился, по очереди подавая жесткую шершавую руку и при пожатии впиваясь глазами-буравчиками в каждого, как будто пробовал на прочность: ну-ка, кто из вас выдержит мой взгляд?

Зацепившись взглядом на мне, удерживая мою ладонь дольше, чем того требовалось при знакомстве, он поглядел уже иначе, властно и испытующе, как глядит на чужака волкодав, готовый к прыжку: кто кого? «Э, брат! Мы не в соба-

чьи бои играем, – я с деланым простодушием изобразил, что поддался, и увел глаза. – Ты себе собачься, а я с тобой по закону, по закону...»

– В сессии перерыв, – удовлетворившись результатом переглядываний, продолжал Цезарь Сигизмундович. – Бегу перекусить, маковой росинки во рту не было. А вы пожалуйста, заместитель ждет. Потом – я распорядился, будьте покойны – в одном тихом месте приготовлен обед. Перекусите, воды приозерской выпьете. Знаете, кто хоть раз напился нашей воды, непременно сюда вернется – уже проверено, и не раз.

Мартынчук поджал губы и, мне показалось, хотел сразу же отказаться, но Цибульский опередил его – прихватил за рукав и, смягчая стальной блеск буравчиков, успокоил:

– Место верное. Ресторан у нас один, и тот сейчас на ремонте. Но я и не повел бы в ресторан, не надо понапрасну глаза мозолить. Жалко, не могу с вами: сессия, после перерыва обсуждаем важный, принципиальный вопрос. А в другой раз – с удовольствием... Ведь не последний день живем... Ну, будьте здоровы!

«И вам не хворать!» – прочел я в ответном взгляде Мартынчука и про себя решил: ни за что не поедет после такого приема. И я бы не поехал, не о чем тут рассуждать!..

Но по каким-то, не вполне ясным для меня соображениям Мартынчук дал слабину. Вряд ли он поддался глазам-буравчикам Цибульского – и не таких видел и перегибал, – но, когда мордастый, откормленный и на первый взгляд недале-

кий первый заместитель главы администрации Иван Иванович Бондарь после краткой, едва не формальной процедуры моего представления начал зазывать на обед, отказываться не стал.

«Вот тебе раз! – недоумевал я. – Может, не хочет, чтобы мой первый день начался конфликтом с властью? Он-то уедет, а мне оставаться, да еще после увольнения моего предшественника. Тот, говорят, с властью не ладил, – вот и решат, что приложили к увольнению руку, и, если окажусь таким же, несговорчивым, меня тоже задвинут...»

Как бы там ни было, после рукопожатий и кратких слов, сказанных обо мне прокурором области, Иван Иванович вызвал из гаража машину, мы сели в свою – и снова оказались на перекрестке.

«Пожалуй, никуда не попадешь в этой дыре, чтобы не выехать сначала на перекресток», – хмыкнул я и тут увидел возвращающегося на работу Ильенко. Следователь шел тяжело, кособоко, выворачивая в середину ноги и цепляя носками наст. Когда мы проезжали мимо, он не приостановился, даже головы не повернул, – но я вдруг ощутил какое-то невнятное беспокойство, как если бы в затылок целился невидимый снайпер...

А дальше было не то запредельное жлобство, не то позорище. Какая-то колхозная столовая, в ней – комнатка для гостей, стол на четверых и вкусная, но вполне обыденная еда: борщ, жаркое, жареная рыба, соленья и что-то еще в том

же духе. Толстая повариха в несвежем фартуке, она же подавальщица, плавала между нами как моржиха, то задевая упругим боком, то наваливаясь мягкой грудью. Я никогда не считал себя снобом, но то, что величественный седогривый Богдан Васильевич сидит здесь, с нами, пьет водку из граненых стопок, говорит, слушает, внимает бессмысленным речам и тостам, засело во мне занозой и досаждало, язвило, как если бы в этакое непотребстве виноват был я один. Но после третьей стопки и меня попустило...

Выпили изрядно. Первым сдал слабосильный Чуков: у него смялось и поплыло сдобное личико, к глазам то подступало томление, то взгляд его как бы поворачивался внутрь, и Чуков видел там что-то, чего не понимал сам. Несколько раз он поднимал кверху палец и произносил: «А-а!» или «О-о!» – потом ронял палец, вздыхал горько-горько и напускал бледные веки на глаза. Я тоже плавал в тумане, и сквозь этот туман различал красные лица Бондаря и Мартынчука, – оба выглядели молодцами и держали в своих руках нити бесконечного застольного разговора.

Говорили и во дворе столовой, прощаясь.

– Все будет в лучшем виде, Богдан Васильевич!..

– Уверен! Мы привезли хорошего прокурора, сами убедились...

– Пока поживет в гостинице, заказали номер. Не очень комфортно, но потом что-нибудь подберем. В конце концов снимет квартиру... А пока – не очень чтобы, но недорого,

цену за номер согласовали.

– А, Евгений Николаевич?.. А?..

Я кивал: да, замечательно, разумеется – квартиру, а там улучил минуту и робко спросил Мартынчука, нельзя ли уехать с ними. Не все необходимые вещи взял, переночую, соберу, а утром – назад... Лгал на голубом глазу, было стыдно, – но и оставаться в номере одному – в чужом поселке, со стылыми звездами, неуютными столовыми и толстыми усами поварихами – не мог, хоть убей. «А-а!» – протестуяще воздел палец Чуков, но Богдан Васильевич даже не глянул на кадровика и легко согласился.

Когда, в который уже раз за сегодняшний день, проезжали перекресток, в тусклом вечернем мареве он показался мне удивительно знакомым, я даже надпись на камне припомнил из какой-то старой сказки: «Прямо пойдешь – голову потеряешь» – и на мгновение протрезвел, словно холодком между лопаток протянуло...

У моего дома машина остановилась, – тихо гудел двигатель, горели непогашенные фары. В их ярком свете я с пронзительной четкостью разглядел старый, похилившийся забор из штакетника, косую калитку, провисшую на раздерганных петлях, и гору песка, ссыпанного еще осенью на тротуаре. «На графских развалинах», – подумал я обо всем сразу: о доме, доставшемся мне в наследство и который уже год пребывавшем в стадии ремонта, о поддоне из-под кирпича, заменявшем крыльцо, о неярком свете в кухонном окне, где Да-

ша, по всей видимости, готовила себе ужин.

– Приехали, Евгений Николаевич, – обернулся с переднего сиденья Мартынчук и вдруг спросил: – А что с забором? Какой-то у вас забор...

– Пристройка, ремонт, и все такое, – отозвался я и зачем-то предложил: – А вы зайдите – сами все увидите, с женой вас познакомлю. Она будет рада, жена. Дичью угощу, зайчатиной в сметане...

– И зайдём, ещё не вечер. А, Чуков? Кадры у меня знают, как молодые прокуроры живут?

– А-а? О-о? – заворочался Чуков, за время пути пригревшийся в салоне автомобиля. – Кадры знают, Богдан Васильевич. Кадрам положено знать все.

Выбрались из машины, немного огрузневшие и неповоротливые после употребления «приозерской воды», толкнули калитку – она протяжно взвыла и заскребла по мерзлой земле, – прошелестели по мелкому гравию и взошли на крыльцо. При этом я мысленно каялся и попрекал себя за это ненужное и несвоевременное гостеприимство: «Что я делаю, зачем? Поздний вечер, дом в ремонте, холодильник пуст, из выпивки одна бутылка водки. Чем угощать? Только Дашу растрою и оконфужу». Но деваться некуда, я постучал и, едва по ту сторону двери раздались легкие шаги и настороженный голос спросил: «Кто?» – бодреньким тенорком проблеял:

– Я, Дашенька. То есть мы...

Замок тотчас щелкнул, дверь распахнулась, и улыбающа-

яся – радостно, но и обеспокоенно – Даша отступила вглубь коридора, пропуская нас в дом. Она давно привыкла к неровности моего характера, к спонтанным поступкам и внезапным появлениям, насколько можно было к ним привыкнуть. То через две недели после отъезда на курсы повышения квалификации я появился как ни в чем не бывало и заявил, что соскучился и что какие-то 500 километров между нами не повод, чтобы не встретиться. То в период ухаживаний ездил к ней по вечерам из отдаленного района, куда был распределен по окончании института, – с пересадками или на перекладных, – рискуя получить нагоняй за утреннее опоздание на работу. И вот теперь ей верилось и не верилось, что мое внезапное появление – очередная бесшабашная выходка, а не событие из ряда вон. Эти волнение и радость были особенно трогательны и милы в ней, и при других обстоятельствах я обнял и поцеловал бы ее в теплую макушку, но теперь не до нежностей было, – и я первым делом подал ей знак глазами: что поделать, такие обстоятельства... А еще с облегчением заметил, что на ней домашние брюки и свитерок, а не халат и тапки, что пепельные волосы у нее аккуратно уложены и что ей очень хорошо так – в этой одежде и с этой прической. Хрупкая, стройная, очаровательная – прелесть что за женщина, и это моя жена!

– Вот и я, Дашенька! – виновато и вместе с тем счастливо улыбнулся я, пропуская вперед гостей. – То есть вот и мы. Знакомься...

– Богдан Васильевич, – представился Мартынчук и, точно воробышка, укрыл в ладонях руку, поданную ему Дашей. – Вы уж простите, хозяйюшка, за бесцеремонное вторжение, но у Евгения Николаевича сегодня ответственный день, – вот мы и подумали: почему в этот день он не с вами?

– А-а! Словно куколка... – высунулся и себе Чуков, пытаясь удержать равновесие и маслясь глазками, и поцеловал Даше руку. – Вот так Евгений Николаевич!.. А?

Пошли по комнатам, показали столовую с временно простеленными на шпалы досками, будущую библиотеку с книгами, уложенными в картонные ящики, кабинет, где по выходным я пытался настилать паркет. Стены были недавно оштукатурены, серы и голы, и в свете слепых лампочек, свисавших с потолка, нависали безрадостно и убого.

– Да, – говорил Мартынчук, качая головой и переводя сочувственный взгляд то на меня, то на Дашу. – Паркет сами настилаете? Да-а... А вы, Дарья Михайловна, в отделе образования? И часы в школе, и тетради?.. Как будете успевать в отсутствие супруга? Переезжать в Приозерск не думаете? В самом деле, зачем... Что ж, будем благодарить...

– Богдан Васильевич, а зайчатина в сметане? – спохватился я, взглядом указав Даше на сумку, куда утром она упаковала кастрюльку с дичью. – Уже приготовлена, только разогреть – и на стол. А под зайчатину – «Распутин»...

– Это водка? Ну, если самую малость...

Дальнейшее сокрыто за тяжким похмельным провалом

памяти. Помню только, что, прощаясь, Богдан Васильевич стоял на ногах твердо, уверенно и все повторял: «Какие люди... какие люди!..» – тогда как Чижик-Пыжик Чуков, пробираясь по стенке, шелестел непослушными губами: «Зайчати́на, «Распутин» – боже мой!.. словно куколка... словно куколка...»

«Ничего не скажешь, многообещающее начало! – вздохнул я, отгоняя воспоминания, потому что «Нива» уже втянулась в пригороды и надо было подсказывать водителю дорогу к дому. – Каким выйдет конец?»

7. Лучший в городе ортопед

Несомненно, Даша была сердита за мое внезапное утреннее бегство из дома, – и, прежде чем войти, я несколько минут стоял на пороге и собирался с мыслями: что скажу, как оправдаюсь? Но голова была пуста, плечо ныло и своим неусыпным нытьем не позволяло сосредоточиться, придумать внятные слова оправдания. Или не в нытье было дело – черт с ним, с плечом! – в том, что за происшествием с разбитой машиной таилась тьма, неизвестность: что будет теперь со мной, с нами всеми?

Я уже совсем было собрался с духом, как дверь внезапно распахнулась, и Даша, в рабочем трико, в блузке и легкой косынке, схваченной узелком под затылком, едва не столкнулась со мной на порожке.

– Ну, разумеется!.. – начала она, глядя на меня из-за стекол очков с тем выражением на лице, которого более всего в ней опасался, но не договорила – вгляделась пристальнее, дрогнула уголками рта, затем перевела взгляд на Игорька, топчущегося где-то позади с видом побитой собаки, подавила в себе судорожный вздох и отступила вглубь коридора.

Боком проскользнув мимо нее, я прошел в комнату, где некогда, давно и неправдоподобно, угощал Мартынчука зайчатиной в сметане, обогнул стол и, загоротившись им, устало сел на диван. Пружины скрипнули и поплыли, – и, если

бы не Дашины глаза, испуганные и вопрошающие, я тотчас прилег бы на подушку и закрыл глаза. Но Даша молча стояла в проеме двери и, сжимая запястье одной руки пальцами другой, смотрела во все глаза, – и я не рискнул ни лечь, ни заговорить с нею – сидел и трусливо уводил взгляд, блуждал им по стенам и потолку, как напроказивший школьник.

– Что? – спросила наконец Даша.

– Надо бы Николаевича к врачу, – подал из коридора голос Игорек. – Ничего страшного, только рука... Что вы, нет никакого перелома! Но хорошо бы врача, врач посмотрит и скажет...

– Так, иди-ка сюда! – ухватив Игорька за предплечье, Даша втолкнула его в комнату и указала на стул. – Садись, рассказывай!

Ерзая на стуле и переглядываясь со мной – так ли говорит, как нужно? – Игорек стал рассказывать о происшествии на дороге, путаясь и привирая, вернее, не договаривая о том, о чем, по его понятию, не стоило говорить. Я угрюмо молчал, тогда как Дашино лицо все более мрачнело, вытягивалось, и уже не сжимала, а теребила она запястье, взглядывая на меня, как на малого ребенка, – и тревожно, и жалостливо, и с немым укором.

– А ты не расшибся? Отделался царапинами? Что за царапины?

Игорек отмахнулся: все хорошо, царапины и царапины, большое дело.

– А машина?

Нехотя, сквозь зубы, Игорек поведал о разбитой «семерке».

– Ну вот, ну вот! – сказала Даша и, стараясь придать твердости голосу, подплывавшему слезами, подошла ко мне и, хмурясь, с возгласом: «Ну-ка!» – осмотрела поврежденную руку, бережно коснулась плеча, затем решительно стянула косынку и тряхнула волосами. – Собирайся. Поедем в травмпункт.

– Черта с два! – буркнул я злобно. – Чтобы зафиксироваться в журнале происшествий? Ничего умнее придумать не могла? Позвоню Сеницыну, этот сидит в госпитале допоздна. К Сеницыну, говорю!.. Телефон дай...

Начмед госпиталя инвалидов отечественной войны Сеницын Леонид Львович, мой давний приятель, поднял трубку после первого же гудка, точно ждал и не мог дожидаться, чтобы кто-нибудь ему позвонил.

– Слушаю вас внимательно, – прогудел преувеличенно бодрый голос, и сомнения меня обуяли, я даже переспросил: «Леонид Львович?» – но тотчас меня уверили: – Кто ж еще?! А это у нас?.. Ты, что ли, Михайлов?

– Он самый. Водку пьянствуешь?

– Окстись! Врут, что доктора спирт хлещут. Я предпочитаю коньячок. – В трубке зачмокало, и я не без зависти сообразил, что там, на том конце провода, закусывают лимончиком. – Ты где? Давай заходи! Только быстро, источник ис-

сякает...

Я сказал: и ладно, и бог с ним, с источником – припадать не намерен. А звоню по делу: нужен толковый хирург или ортопед.

– А патологоанатома не хочешь? Ладно, шучу. Ортопед имеется, он же хирург, – вот он, голубчик, сидит рядом. Может разрезать, может вправить – чего душа пожелает. Приходи, а то на самом деле допьем...

– Я пойду с тобой, – сказала Даша, – только переоденусь. И не спорь со мной! А ты, – обернулась она к Игорьку и участливо положила ему на плечо худенькую ладошку, – ты не расстраивайся понапрасну. Иди домой, выпишись, а завтра поговорим. Все обойдется, вот увидишь.

Она запнулась и посмотрела на нас с мягкой укоризной – сперва на меня (как ты мог пьяным сесть за руль? подставил мальчишку), потом на Игорька (а ты куда смотрел? я ведь предупреждала, просила). Я и не хотел – поморщился: «мальчишка» нравился Даше, она опекала и защищала его, – и это было бы смешно, если б не моя скрытная природная ревность ко всему, направленному в ней вне меня. Но ревность тотчас забылась, не до ревности теперь было. Простившись с Игорьком, я взял Дашу под руку, и на развилке мы повернули вверх по улице, к госпиталю, а Игорек пошел дальше один. Оглянувшись, я увидел, что у него понуро опущены плечи, и оттого руки с кистями, показавшиеся непомерно тяжелыми и большими, повисли вдоль тела,

словно у печального очеловеченного примата.

«Если выпутаюсь, больше никогда не сяду за руль пьяным, – пообещал себе я, испытывая запоздалый приступ раскаяния. – Вон как проняло парня! И ведь уговаривал, просил, что сам поведет...»

Госпиталь инвалидов войны размещался в центре города, но при этом как бы притаился в глубине между домами, в широкой ложбине, сползающей покато к реке. Во дворе росли жасминные и сиреневые кусты, их листья были свежи и влажны после недавнего дождя, остро пахло травой, цветами с клумб и землей, вспушенной накануне. Старушки в халатах и старики в спортивных трико бродили по асфальтовым дорожкам, сидели на скамьях, самые азартные забивали «козла» в увитой шиповником беседке. Был конец рабочего дня, и в коридоре административного здания мы не встретили ни души, пуста была и приемная, где, дверь напротив двери, располагались кабинеты начальника и начмеда госпиталя.

Костяшками пальцев я постучал в одну из дверей, тотчас ключ в замке повернулся, и бледное подплывшее лицо Синицына высунулось в дверную щель и с мутной серьезностью поглядело на меня, не узнавая.

– А! – воскликнул он наконец после нескольких секунд недоуменных разглядываний и потянул меня за рукав. – С тобой женщина? Жена? Ах да, жена! Дарья Михайловна, Дашуня! Как похорошела, я тебя сразу и не узнал. Нет, в самом

деле похорошела! Давайте, ребята, выпьем, у меня остался еще коньяк...

Я с невольной ухмылкой покосился на этот синицынско-рубенсовский натюрморт. Коньяк почти весь был выпит, остатки темнели на дне бутылки; обсосанные лимонные шкурки скукожились на щербатом блюде; кружочки сырокопченой колбасы, сваленные на листке писчей бумаги, перемешались с огрызками ржаного хлеба; и только распечатанная коробка конфет «Птичье молоко» оставалась почти нетронутой.

– Ах, – воскликнул Синицын пьяненько, – какие мы нежные! Коньяк сейчас будет, послал за коньяком. Ну, лимон, ну и черт с ним, с лимоном! Не в лимоне дело... А что у тебя с рукой?

– Что с рукой? Свалился с лестницы. Рюмку поднять могу, но и только, – сказал я, прикидываясь бодрячком. – Где твой ортопед? Пусть бы глянул...

Тут дверь скрипнула, и в кабинет боком просочился рыжий бородатый человек в роговых очках и халате с оттопыренным карманом, в котором при каждом шаге слышался булькающий плеск, – бородач прикрывал карман от посторонних глаз широкой, волосатой пятерней. С недоумением поглядев на нас с Дашей, человек попятился обратно в приемную, но был Синицыным остановлен, дверь за ним закрыта, – и еще одна бутылка извлечена из кармана и выставлена на разоренный стол.

– Вот, а ты говорил... Это тебе не шарашкина контора, а медицинское учреждение областного подчинения... даже республиканского, если на то пошло...

Я на мгновение забылся и проглотил слюну, но тут Даша произнесла вполголоса, но тоном непререкаемым: «Леонид Львович!» – и бутылка была отставлена, меня с серьезным видом обступили, и бородач, оказавшийся тем самым хирургом – лучшим в городе, как похвастал перед нами Синицын, – стал быстрыми жесткими пальцами ощупывать и мять мое плечо.

– Хм! – то и дело восклицал он, обдавая меня сивушным запахом. – Ну и что? И ничего особенного, обыкновенный вывих. Сейчас вправлю.

И он стал разминать передо мной и хрустеть подвижными пальцами, как будто убийца, готовый к удушению жертвы. Меня бросило в жар: как ни хотелось мне, чтобы приозерский костоправ Кукушкин был сию же минуту посрамлен и вопрос об операции отпал сам собой, волосатые руки ортопеда и его жуткие шевеления пальцами привели меня в ужас. Невольно я попятился и оглянулся на Дашу: что она?..

– Вправлять не будем, – сказала жена тем же тоном, каким несколько минут назад отрезвила пьяненького Синицына. – Сделаем сначала рентген, а там видно будет.

– Как хотите, – бородач надулся, спрятал за спину руки и отвернулся к окну. – Только рентгена у нас нет, рентгеновский аппарат на профилактике. И не скоро будет.

8. Способ сбежать из дома

Когда мы вернулись домой, на скамеечке у крыльца сидела моя мать и ждала нас. Она сразу заметила, что руку мою поддерживает повязка, которую я надел в госпитале по настоянию Синицына, и хотя всегда была далеко не сентиментальна, от неожиданности (или, скорее всего, для Даши, которую не упускала случая ущипнуть) сморгнула набежавшую на глаза влагу и поджала подведенные губы. При виде матери, ее влажных глаз и поджатых губ Даша замедлила шаг, как будто хотела укрыться за моей спиной, но укрываться и отступать не умела, – и, набросив крючок на калитку, подошла к свекрови, встретила нацеленный в упор взгляд и даже подставила щеку для холодного поцелуя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.